

Гримм Э.Д. Пьяные илоты. Немецкие бесчинства и европейская культура // Русская мысль. 1914. № 8–9. С. 76–93.

Миц З.Г. Владимир Соловьев – поэт // Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 295–296.

Мисникевич Т.В. «Польский вопрос» в лирике и публицистике Федора Сологуба // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XII: Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. С. 401–411.

Сологуб Ф.К. Выбор ориентаций // Отечество: Иллюстрированная летопись. 1914. № 6. 14 дек.

Сологуб Ф.К. Завоевание правды // Биржевые ведомости. 1915. 7 апр..

Сологуб Ф.К. Жалость и любовь // Новости. 1904. № 230. 21 авг.

Сологуб Ф.К. Коварные пленники // Новости. 1904. № 270. 30 сент.

Сологуб Ф.К. Колония на Суматре (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 328. 3 л.).

Сологуб Ф.К. Лукавство сравнений (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 343. 4 л.).

Сологуб Ф.К. Мировая громада // Биржевые ведомости. 1915. 28 янв.

Сологуб Ф.К. Порог житницы // Биржевые ведомости. 1915. 20 февр.

Сологуб Ф.К. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4: Творимая легенда. М., 2002.

Сологуб Ф.К. Харакири // Новости. 1904. № 273. 3 окт.

Хеллман Б. Когда время славянофильствовало. Русские философы и Первая мировая война // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. Проблемы истории русской литературы начала XX века. Helsinki, 1989. P. 211–239.

Неосуществленный цикл О.Э. Мандельштама и журнальная полемика 1915 г.¹

То, что стихи Мандельштама могут, а зачастую и должны восприниматься не только сами по себе, исключительно как замкнутый на себя текст, но и среди текстов иных, которые проясняют смысл того, который интересует читателя / исследователя, давно уже стало аксиомой. Однако широта этого контекста для пишущих об этом авторов колеблется от предельно широкого (именно так чаще всего и бывает) до очень локального. Мы хотели бы предложить сегодня толкование причин появления одного не до конца сформированного и утраченного в последующих публикациях мандельштамовского цикла, исходя из места и времени его появления.

Соотношение поэзии Мандельштама с современными общественными и политическими темами, обсуждавшимися на страницах повременной печати, стало, особенно в последние годы, предметом значительного внимания. Не претендуя на исчерпание накопившейся обширной литературы, назовем только несколько работ, вплотную и подробно посвященных этой теме: книга и статья Д.М. Сегала², небольшие книги М.Л. Гаспарова³ и О.А. Лекманова⁴. Разные по своим целям, задачам и методологии, они нацелены, однако, на то, чтобы продемонстрировать: стихи Мандельштама должны быть рассмотрены не только в «большом» контексте идей великих авторов, но и в более узком, предопределенном темами и запросами своей эпохи.

Нас заинтересовала небольшая публикация Мандельштама, состоящая из трех стихотворений. В просуществовавшем лишь полгода еженедельном журнале «Голос жизни» в № 14 от 1 апреля 1915 г. была страничка стихов (с. 10), на которой слева разме-

щались стихи: *Мандельштам О.* Из цикла «Рим». 1. «О временах простых и грубых...»; 2. (Памяти Воронихина) [«На площадь выбежав, свободен...»], 3. «Посох мой – моя свобода...», а справа следовали два стихотворения поэта совсем иного, как будто бы ни в чем не сравнимого с Мандельштамом: *Тиняков Александр.* Слава будням; Цивилизация⁵.

Историю публикации мандельштамовского текста узнать легко. В дневнике С.П. Каблукова за 6 февраля 1915 г. читаем: «Вчера днем был у Мережковских. <...> Главная же цель моего посещения – пристроить в “Голосе жизни”, редактируемом Философовым, некоторые стихотворения И. Мандельштама. Гиппиус берет “Египтянина”, “В морозном воздухе...”, “Я не слышал рассказов Оссиана...”, “Неумолимые слова...”, “Посох мой...”, “Казанский собор”, “О временах простых и грубых...”. Уведомил об этом Мандельштама, спрашивая, согласен ли он отдать эти стихи “Голосу жизни” по 50 к. за строку»⁶. Из этих семи стихотворений шесть были в журнале напечатаны, только «Я не слышал рассказов Оссиана...» осталось неопубликованным – скорее всего поскольку журнал прекратился: вторая подборка мандельштамовских стихов появилась в № 25, а № 26 стал последним.

Для нас существенно, что стихотворения в журнал отбирала З.Н. Гиппиус и, вероятно, она же занималась дальнейшей их судьбой. Вообще, стихотворный раздел в «Голосе жизни» теснейшим образом связан с ее интересами и знакомствами. Не говоря о публикациях собственных ее стихов, следует отметить, что она была в давних и тесных отношениях с П.С. Соловьевой (*Allegro*), С.А. Андреевским, своим дальним родственником Вл.В. Гиппиусом (дважды печатавшимся в журнале под псевдонимом Вл. Бестужев), А. Блоком. В круг ее младших друзей и учеников входили Н. Ястребов, М. Шагинян, ставшие ей близкими уже в годы эмиграции Г. Иванов и Г. Адамович. Кажется, есть основания приписать появившиеся в № 22 стихи Владимира Зыбина «Суламита» будущему секретарю Мережковских В.А. Злобину. Есениным она была чрезвычайно заинтересована и писала о нем. Конечно, были в журнале стихи и тех авторов, о связях которых с Гиппиус мы знаем мало или не знаем вообще (акмеисты по своей бывшей общ-

ности⁷ – Н. Гумилев, С. Городецкий и А. Ахматова⁸; Н. Клюев и А. Ширяевец, М. Моравская, Н. Бруни, М. Струве, А. Толмачев, Р. Ивнев, Н. Адуев, Л. Галич (Габрилович), Д. Крючков), но все же, как кажется, в отборе поэтических имен прослеживается определенная линия, где появление стихов Мандельштама выглядит совершенно логичным. Но почему здесь, в таком соседстве, и почему циклом, который потом никогда у Мандельштама не фигурировал?

Как кажется, ответ заключается именно в соседстве на одной полосе двух поэтов, о котором мы говорили. Подтверждается это и тем, что непосредственно предшествует стихам Мандельштама статья М. Шагинян «Европа и мы. Ответ г. Тинякову». Понятно, что ответ этот – часть спора, который проходил на страницах не только «Голоса жизни», но в основном все-таки в этом журнале.

Формально началось все статьей Тинякова «К переоценке ценностей», напечатанной в восьмом номере. Если попробовать вкратце изложить ее суть, то, видимо, получится примерно вот что: «Великая по своим размерам война должна привести и к великим внутренним переменам. Она властно требует от нас переоценки, – если не всех, то большинства культурных ценностей. И прежде всего она требует пересмотра, упорядочения и углубления наших отношений к западно-европейской цивилизации. <...> К началу XX века несоответствие между достижениями материальной, интеллектуальной и духовной культуры на Западе стало угрожающим. Рядом с гигантским развитием техники и всяческих прикладных знаний шло в Европе моральное одичание <...> Технический прогресс заставляет человеческий организм видоизменяться быстрее, чем этого требуют законы природы, он заставляет людей сообразовать работу своего сознания с работой всяческих машин, и в конце концов машина подчиняет себе человека физически и умственно. <...> Опьяненные внешними победами над природой, люди перестают думать о внутренней борьбе и, благодаря этому, они преждевременно слабеют физически, развращаются умственно, мельчают духовно. <...> Мы еще должны долго и много работать, чтобы воспринять и воспитать в себе европейское, германское упорство, немецкую волю; но с помощью этой воли мы должны развивать не технику, не фабрики и заводы, не пути сооб-

В идеалистичности нашей интеллигенции, в ее высокой незаинтересованности лично для себя, вот в этом нашем прекрасном свойстве и сказывается наша тоска по тому сокровищу, которое нам дано, но которое мы держим под спудом»⁹.

Сологубовская нота восхищения интеллигенцией была хотя бы отчасти продиктована позицией всего журнала, в редакционном манифесте уже второго номера писавшего:

«Наше общественное развитие совершалось под знаменем служения народу. Любовь к народу одушевляла нашу интеллигенцию и нашу литературу. Заботы об облегчении народной тяготы, о благе народа направляли деятельность нашей интеллигенции, отдававшейся этому делу беззаветно и безоглядно¹⁰. Пришла война; нездешней силой брошен наш народ на арену мировой войны; безумное нападение врага вынуждает народ к защите. И на границах нашей земли борется наша армия – самое лучшее народное представительство из всех, что были до сих пор в России. Эта армия должна сломить упорство врага и обеспечить достойное существование нашей родине.

Интеллигенция остается верной своему старому знамени, верной заветам своих духовных вождей. Служение воинствующему народу, содействие к достижению стоящих перед ним ратных целей, – вот та истинно демократическая задача, которая раскрыта теперь перед нашей интеллигенцией. Не только материального содействия, материальной помощи требует воинствующий народ – такое требование наименее обременительно для духа, – но поддержки духовной, создаваемой уверенностью в полном слиянии надежд мирного населения и чаяний русского войска. Интеллигенция русская, не останавливавшаяся никогда перед самыми дорогими жертвами, не раз отдававшая жизни лучших своих сынов, не может и не должна остановиться и перед жертвой духа, которая вызывается основным фактом – приятием войны.

Все способности своего духа, всю свою энергию должна исчерпать русская интеллигенция для того, чтобы помочь вождельной цели русского воинства – победе. Ни “предрассуждения” мирного времени, ни “перспективы” будущего, которые, возникая в сознании интеллигенции, пугают ее, не должны иметь места в

мотивах ее деятельности. Воинствующий народ одушевлен желанием победы, и интеллигенция должна употребить все свои усилия к тому, чтобы это одушевление росло непрерывно и становилось все более и более энтузиастическим»¹¹.

Но для общей позиции «Голоса жизни» не менее важно было и то, что «Отечество» (также в редакционной статье) весьма резко отвечало на выступления Мережковских первых военных месяцев:

«Д.С. Мережковский возмущен нашим отношением к войне. Мы с любовью и благоговением относимся к ратному труду, подъятому русским народом, и высказываем убеждение, что все русские люди, каждый в своей сфере, должны содействовать достижению основной задачи войны – полнейшей и скорейшей победе над врагами. Русская интеллигенция не может, не должна отказать в словах любви и сочувствия русскому народу, ведущему войну.....

..... Какая злость и какое бездушие нужно для того, чтобы делать такие уподобления!

Идет жестокая война. Кровь и ответственность на всех нас. Слезы, стоны, клики сочувствия несутся со всех сторон; никто не может чувствовать себя не затронутым войной. Один Д.С. Мережковский избрал благую часть: он умыл руки в крови, как некое историческое лицо, и, отойдя в сторону, стал подсвистывать и подхихикивать всем, кто говорит, что война – не постороннее нам дело, а наше, кровное наше дело»¹².

Конечно, впрямую отвечать на такие обвинения было бы весьма затруднительно, особенно ввиду военной цензуры, оставившей следы в виде строк точек даже во вполне благонамеренных текстах Сологуба и редакции «Отечества». Кажется, именно поэтому для полемики Мережковские, используя «Голос жизни», доверили слово Тинякову, вхожему к Сологубу и даже печатавшемуся в его журнале¹³, а также публиковавшемуся в «Отечестве»¹⁴.

На статью «К переоценке ценностей» первой Тинякову отвечала Гиппиус, писавшая: «Очень опасен уклон статьи г. Тинякова <...> Опасен и неверен, хотя исходит автор из верных положений, – о двойственности культуры. <...> Переразвитие внешней культуры ведет к механике, к автоматизму – к падению; переразвитие стороны внутренней – к разъединению, к вымиранию, к одичанию – т. е. опять к падению. У нас и у немцев – две разные, но равные опасности. Перепроизводство внешней культуры у немцев в ущерб внутренней (всякое ненормальное развитие одной стороны идет в ущерб другой, соответственно умалывает ее), грозит им механикой, разложением личности; наше переразвитие духовное, не гармонирующее с уровнем нашего внешнего развития, носит в себе ту же, обратную, но равно страшную угрозу. А г. Тиняков предлагает нам следовать дальше как раз по этому, самому для нас опасному склону. <...> К вырождению ли духа ведет путь или к вырождению плоти – на конце обоих одинаковая гибель. Допустим, что в Германии разлагается личность; а мы будем ли правее и счастливее, если у нас начнет разлагаться – общество? “Христос и Эдиссон идут в разные стороны”, – утверждает г. Тиняков. Сопоставление не из удачных, но все равно, мы берем не личности, а принципы. И тут я должен в сотый, в тысячный раз сказать: нет, они именно идут в одну сторону, вместе, неразрывно слитые в одном *движении*. Мало того: в Христе уже есть Эдиссон, и отречение от Эдиссона равносильно отречению от Христа»¹⁵.

Следующей была Шагинян, статью которой мы уже упоминали. В запальчивости она во многом была несправедлива по отношению к Тинякову, который отвечал ей¹⁶, после чего полемика на страницах журнала прекратилась, но Тиняков продолжал думать и писать, результатом чего явилась его рецензия на книгу С.Н. Булгакова «Война и русское самосознание», в которой он попрекал Булгакова теми же самыми положениями, которыми ранее попрекали его самого: «Спора нет – переразвитие техники, угрожающее Западной Европе, не может быть названо явлением положительным. Современная война гораздо красноречивее Герцена доказывает, что забота об одном лишь материальном развитии при слабом внимании к совершенствованию моральному

приводит не к прогрессу, а к катастрофе. Но порицанию в данном случае может подлежать лишь временное направление западно-европейской активности, а не сама активность. Критиковать западно-европейскую культуру и даже внешнюю цивилизацию русским людям следует с величайшей осторожностью. Уклон к одностороннему, исключительно материальному развитию, конечно, опасен, но смертельно опасным он может быть лишь для нации, бедной духовно и умственно. Думать иначе, высказывать, например, мысль, – что Германия съедена техникой и мещанством, – значит высказывать неверие в жестокую мощь общеевропейского духа, своеобразной ветвью которого является и наш русский дух... И если Германии угрожает одностороннее развитие техники, нам угрожает враг более опасный, старинный наш недуг: недоразвитие воли, выражающееся во всякого рода внешних неустройствах. Устремляя все свое внимание на цели конечные и последние, мы – в то же время не исполняем нашего земного назначения, и живем шатко, безнравственно, безрадостно и безвкусно. Г. Булгаков склонен думать, что причиной этого является наше возвышенное стремление к “невидимому, небесному граду”, какового стремления совсем-де нет у “мещанской” Европы... Но что, если это стремление уже в достаточной степени выцвело и полиняло в русской душе? Что, если наша внешняя бедность является уже не следствием внутреннего богатства, а всего-навсего результатом лени и бессилия?!»¹⁷ Впрочем, для наших целей это уже не слишком существенно.

Существенно то, что стихи Мандельштама были вставлены в сердцевину полемики о судьбах России, ее нынешнем и грядущем предназначении. Конечно, полемика эта для читателя начала XXI века выглядит наивной и повторяющей азы русской и западной историософской мысли, но в то время она такой не представлялась. Виртуальный цикл Мандельштама «Рим» должен был представлять «западническую» точку зрения, и не только в полемике между публицистическими выступлениями, но и в поэзии, ибо два стихотворения Тинякова откровенно фиксировали его тогдашние убеждения. В стихотворении «Слава будням» воспеваются повседневность в противовес «мечте-царевне» (об этом Тиняков – в еще

более откровенной форме – будет писать в целом ряде рецензий, в том числе и на книги лично близких ему авторов¹⁸), а в «Цивилизации» проклинаются достижения последней:

Из камня мы громады строим,
Из стали делаем зверей
И, точно псы пред смертью, воем
При мертвом свете фонарей.

Понятно, что для внимательного читателя журнала, следившего за внутренней полемикой, становилось очевидно, что и стихи Мандельштама следует понимать не столько как осмысление извечных проблем, волновавших еще Чаадаева¹⁹, сколько как реплику в остром споре весны 1915 г. И этот контекст осмысления стихов должен быть ясен также и современным читателям.

Вероятно, такое «инструментальное» использование стихов Мандельштама и побудило их автора в дальнейшем отказаться от представления всех или, по крайней мере, большей части «римских» стихов в виде единого цикла. Помещенная в раскрываемый нами контекст публикация выглядела слишком сиюминутной, слишком привязанной к обстоятельствам дня, а потому оказалась скомпрометированной, и в дальнейшем Мандельштам, оставляя стихи в итоговых собраниях, подавал их разрозненно.

¹ Первоначальный краткий вариант статьи опубликован: Созидающая верность: К 90-летию А.А. Тахо-Годи. Вып. 16. М., 2012. С. 297–304. (Бка А.Ф. Лосева; Спецвып.). Для настоящего издания текст увеличен в два раза.

² Сегал Д. Осип Мандельштам: История и поэтика. Jerusalem; Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, [1998]. Ч. I. Кн. 1–2 // Slavica Hierosolymitana. Vol. VIII–IX; *Он же*. «Сумерки свободы»: О некоторых темах русской ежедневной печати 1917–1918 гг. // Сегал Д. Литература как охранная грамота. М., 2006. С. 458–517.

³ Гаспаров М.Л. О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 года. М., 1996.

⁴ Лекманов О.А. Поэт и газеты: Стихи О. Мандельштама 1930-х годов. Saarbrücken, 2011; *Он же*. Читатель газет: Пресса как фон стихотворений Мандельштама 1930-х годов // «Сохрани мою речь...». М., 2011. Вып. 5/2. С. 495–605; см. также его кн.: Русская литература XX века: Журнальные и газетные «ключи». Этюды. М., 2005.

⁵ Тексты стихотворений Мандельштама общеизвестны, тексты же Тинякова воспроизведены: Тиняков А. (*Одинокий*). Стихотворения. Томск; М., 2002. С. 83–84, 127–128. Первое было включено во вторую книгу его стихов – «Треугольник» (Пг., 1922), второе планировалось включить в книгу «Весна в подполье», так и оставшуюся в рукописи («Слава будням» также входила в эту неизданную книгу).

⁶ Мандельштам О. Камень. Л., 1990. С. 249.

⁷ Напомним, что к 1915 г. бывшее единство группы акмеистов оказалось основательно нарушенным: поссорились Гумилев и Городецкий, прекратил существование «Цех поэтов», Нарбут и Зенкевич все более склонялись к «левизне», выражая намерение вступить в коалицию с кубофутуристами.

⁸ Она вообще удостоилась всяческих «оммажей» на страницах журнала.

⁹ Сологуб Ф. Выбор ориентации // Отечество. 1914. № 6. С. 104–105, 107.

¹⁰ Ср. в статье Сологуба: «Мне кажется, что нет другого сословия или класса, обреченного на более скорбную трагедию, чем прекрасная, многотрагедийная русская интеллигенция. Каждый класс имеет свой интерес, отстаивает его, как умеет, и видит врага в том, кто и есть его враг. Русская интеллигенция привыкла видеть свой интерес в торжестве справедливости и гуманности, в устройстве счастья для мужика, для рабочего, для Польши, для евреев» (Отечество. 1914. № 5. С. 105).

¹¹ Война, народ и интеллигенция // Отечество. 1914, № 2. 9 нояб. 2-я стор. обложки.

¹² Редакция. Вынужденный ответ // Отечество. 1914. № 7. С. 140.

¹³ См.: Тиняков А. «Комплименты» // Дневники писателей. 1914. № 3–4. С. 24–28.

¹⁴ Тиняков А. Фальшивые итоги // Отечество. 1915. № 2. С. 35–39.

¹⁵ А. Кр<айний>. Равноценности // Голос жизни. 1915. 25 февр. № 9. С. 1.

¹⁶ Тиняков А. Письмо в редакцию // Голос жизни. 1915. № 18. 29 апр. С. 18.

¹⁷ Тиняков А. Византиец XX века // Речь. 1915. № 211 (3234). 3(16) авг. С. 3–4.

¹⁸ См., напр., его отзывы на «Озимь» (*Чернохлебов И.* Критика с погоста // *Голос жизни.* 1915. № 19. 6 мая. С. 19–20) и «Лебединые клики» Б. Садовского (*Речь.* 1915. № 246 (3269). 7 (20) сент. С. 3–4), «Радугу» М. Долинова (*Ежемесячный журнал.* 1915. № 7. С. 157) и др.

¹⁹ О чаадаевских подтекстах «Посоха» пишут все комментаторы.

«Стихи о неизвестном солдате» Осипа Мандельштама: опыт прочтения

Сложнейшие «Стихи о неизвестном солдате» (1937) – это и камень Грааля, но и камень преткновения для исследователей творчества Мандельштама. Очень многие мандельштамоведы в какой-то момент своей научной биографии решали для себя: «Готов!» – и принимались упоенно анализировать самое длинное и самое темное стихотворение поэта. Было сделано множество ценнейших наблюдений, выявлено несколько убедительнейших подтекстов, однако стихотворение в целом продолжает оставаться загадочным и недопонятым.

И вот мы тоже ощущаем, что не в силах более противиться желанию предъявить результаты собственного (недо)понимания этого эпохального текста, так сказать, *urbi et orbi*.

Самым удобным способом интерпретации показалось нам построфное комментирующее чтение стихотворения¹. Отброшенные поэтом строфы и строки для объяснения темных мест не привлекались. Ловлей подтекстов в этой работе мы тоже почти не занимались, а из наблюдений предшественников самыми существенными для нас оказались два – одно более общее, другое более частное.

Более общее – вчитываясь в строки «Стихов о неизвестном солдате», нужно всё время держать в памяти ключевой микрофрагмент из мандельштамовского «Разговора о Данте» (1933): «Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку»².

Более частное наблюдение – современники автора «Стихов о неизвестном солдате» хорошо помнили то страшное и символическое впечатление, которое на всё человечество произвело появ-